

Современный русский телезритель: фрагменты языкового сознания

© кандидат филологических наук А. Б. Лихачева (Литва), 2001

Используя принцип, зафиксированный в известном высказывании "Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты", возможно восстановить некоторый обобщенный образ нашего русского современника по любимым им телепередачам. Чем и как откликаются в массовом сознании тексты, произносимые с домашнего экрана? Сегодняшняя действительность вообще в значительной степени определяется многообразием видов общественной коммуникации, при этом традиционно мощным воздействием на изменение контуров национальной ментальности, мировосприятие, определение ценностных ориентиров всего общества и отдельных возрастных групп обладают средства массовой информации, среди которых самым влиятельным является телевидение. "Телевизор – не просто средство массовой информации, а как бы костер, очаг, вокруг которого когда-то собирались древние люди поесть, потусоваться и посплетничать," – считают психологи [АиФ 2001]. По мнению искусствоведов, телевидение привлекательно для аудитории "доставкой зрелища непосредственно на дом, возможностью прямой трансляции событий, особой формой интимного контакта со зрителем", при котором "популярность телеведущих, обладающих даром такого контакта", способна превосходить популярность кинозвезд [Липков 2000: 30]. К примеру, О. Костенко-Попова, "телевед" из "Аргументов и фактов" в 1999 году писала о Е. Киселеве, "самом рейтинговом политобозревателе российского телевидения" и о "неувядающем интересе благодарной российской аудитории к политической информации": "Только у нас рейтинг информационной программы может достигать до 40%, в то время как в США "потолок" – 15%"... Он (Е. Киселев – А. Л.), будучи *журналистом*, умудрился занять значимое место в рейтинге ста ведущих *политиков* России, а газета "Нью-Йорк Таймс" вообще назвала его одним из героев нашего времени" [АиФ 1999].

Предлагаемое исследование базируется на материалах передач лишь одного жанра, обладающего самой массовой зрительской аудиторией по сравнению с иными видами телепередач, представляющих интерес для более узких категорий телезрителей. 57% российских телезрителей на вопрос о том, что прежде всего должно делать телевидение, дают ответ – "информировать" [АиФ 2000]. Мы считаем возможным реконструировать языковое сознание современного телезрителя на основании текстов как собственно новостных, так и авторских аналитиче-

ских программ (Н. Сванидзе, С. Доренко, П. Шеремета, Е. Киселева), поскольку систематическая обработка текстов указанных передач приводит к мысли об их значительной стилистической близости, что поддерживается общностью корреспондентского корпуса. В качестве иллюстративного материала используются лишь те примеры из новостных и аналитических программ основных каналов российского телевидения – ОРТ, НТВ, РТР, ТВ Центр, ТВ-6 – за период с начала 1997 г. до конца 2000 г., которые описывают внутрироссийские реалии. В исследование не вошли цитаты из интервью и другие высказывания гостей передач: мы сосредоточились на речи телевизионщиков, считая возможным лишь при таком ограничении говорить о некоторых тенденциях, складывающихся в новостном дискурсе, и об их воздействии на телепотребителя.

Мы полностью согласны с автором недавно вышедшей работы "Время телевидения", который пишет об "экранной музе": "Телевидение прямо и непосредственно связано с нами через информационные программы, т. е. через выпуски новостей ..." [Михалкович 2000: 18]. Действительно, день – или по крайней мере вечер – у большей части телезрителей разбит на время до и после "Вестей", "Итогов" или программы "Время". Негативный психологический отклик, сопровождающий сообщения о военных действиях, катастрофах или бюджетных катаклизмах, компенсируется возможностью предельно откровенной зрительской реакции на увиденное и услышанное в новостях – от одобрительного приятия ("Вот именно!") до критической отстраненности ("Еще чего!"), осознанием собственной вменяемости на фоне неразумного мира за порогом дома, выходом из одиноких сомнений и тревог и обретения своего круга пусть виртуальных, но врагов или единомышленников. Думается, программы именно этого жанра дают ощущение наиболее актуальной зрительской свободы: телепотребитель может "заставить умолкнуть даже выступающего главу государства" [там же: 10], он получает "шанс властвования над дематериализованным и облегченным миром", а "минута перед выпуском новостей, репрезентированная бегом секундной стрелки по циферблату, словно и есть тот "всеобщий, один и тот же" момент времени, в отсутствии которого убеждена современная физика... мы имеем дело со временем intersубъективным. Этим последним телевидение отличается от всех других коммуникативных средств..." [там же: 10-11]. "Всякое явление действительности, войдя в поток интерперсонального времени, уже не равно себе, поскольку оказывается преображенным – не по своим формальным, внешним характеристикам, а в своей семантике и своем воздействии на аудиторию, точнее – на ее воображение" [там же: 17]. Воздействие телевидения на аудиторию, отмечает автор цитируемой работы, роднит его с воздейст-

вием фольклора. Таким образом, происходит возврат к дописьменной культуре, "реинкарнация" устности. Показательно, что у филологов, изучающих состояние русского языка наших дней, не вызывает сомнения тот факт, что языковые пристрастия нашего современника формируются в первую очередь устными, не письменными источниками, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Во "Введении" к "Толковому словарю русского языка конца XX века" Г. Складневская [1998: 5-10] отмечает, что языковое сознание сегодняшнего русскоязычного социума, естественно, отражает и воспринимает языковые изменения, сопровождающие общественные и психологические катаклизмы нашего времени. К числу таких языковых изменений относятся: нестабильность, открытость русской лексической системы, с одной стороны, и ее освобождение от прежнего идеологического балласта в виде "однопартийных" речевых клише — с другой, "лавинообразность", избыточность словообразования, семантические сдвиги и стремительное расширение сочетаемости слов, удовлетворение потребности в экспрессивном описании жизненных реалий за счет периферийных участков лексической системы.

В книжке М. Горбаневского, Ю. Караулова и В. Шаклеина "Не говори шершавым языком" [1999] собрана целая коллекция нарушений норм русского литературного языка в СМИ, на такого рода отклонениях построен комплексный справочник "Русская речь в эфире" [2000], исследования В. Костомарова [1997], В. Шапошникова [1998], О. Лаптевой [2000]. Анализ сложившейся ситуации в звуковых масс-медиа предполагает не только фиксацию и объяснение неправильностей, но и, по выражению Ю. Караулова, их апологию, признание "неизбежности... ошибки "речевой", неосознаваемой, появляющейся в спонтанной речи", признание того факта, что "живая устная речь стимулирует языковое творчество, которое иногда может идти вразрез с традиционной нормой" [Горбаневский и др. 1999: 174, 155]. "В телевизионной речи, — пишет О. Лаптева, — **все более необязательным** становится точный выбор языкового средства, **все более обязательным** (выделено нами — А. Л.) обращение к устно-литературной норме, которая с кодифицированной не совпадает" [Лаптева 2000: 4]. Преобладает тенденция "к расширению "свободных" жанров" и соответственно к сокращению "протокольной" части телепередач. Это... напрямую связано... с наиболее полным проявлением функции воздействия телеречи, которая наряду с функцией сообщения (информативной) является ведущей в языке средств массовой информации" [там же: 11]. Как относится к языковой даже не раскованности, а, скорее, нескованности телеведущих зрительская аудитория? В книге О. Лаптевой приводится одно из характерных, на наш взгляд, мнений: "Когда человек с унылым лицом и кар-

тонным голосом бормочет мне самую святую правду, мне тоскливо. Мне скучно верить. Хочется открытой улыбки, свободной речи и не такого окостенелого позвоночника. Кто не может – сослать на радио" [там же: 15].

Импровизационность телевидения "перетекает с того, что фиксируется, на саму фиксацию, на телевизионный дискурс. Тем самым импровизационность становится стилем, манерой речи" [Михалкович 2000: 20]. Эмоциональная небесстрастность, стилистические эксперименты, неудержимое стремление к "своему", пусть обреченному на секундное языковое существование, словесному знаку, пренебрежение к прежним требованиям безупречно шлифованной русской эфирной речи – все это, на наш взгляд, следствие осознания "принципиальной внеисторичности информационных программ", для которых "существует лишь день сегодняшней, актуально переживаемый" [там же: 18]. Звуковая пресса – к которой в первую очередь относятся новостные телепрограммы – сегодня не может не обладать живыми чертами спонтанности, иначе нам и вправду станет скучно – не только верить, но и вообще смотреть и слушать. Имеют ли эти явления право на присутствие в выпусках новостей? Полагаю, да. Русской журналистике и ее телевизионной разновидности претит роль бесстрастного фиксатора событий. Роль зрителя тоже не пассивна: он со-анализирует события и со-итожит прожитый день или неделю. Для этого от обоих участников сегодняшнего теледиалога требуется не просто их совместное пребывание в одном и том же геополитическом и языковом пространстве, но зачастую и их интеллектуально-эмоциональное совпадение.

Аналитико-новостной телетекст последнего десятилетия XX века – это текст проективного типа, обладающий не только затекстным фоном, но и "подводной", подтекстовой частью: не обязательной для восприятия прагматичной информации, но припасенной для любителей языковых игр на "поле метафор". В нынешних новостях нет профессиональных дикторов и штампованных корреспондентов и репортеров. Есть команды авторов – образованных и умных. Однако, как точно отметил Г. Горин, "блестящий ум без щепотки острот пресен и грозит несварением мысли". Таким образом, ироничность российских телеведущих суть продолжение их интеллекта.

Российское телевидение последнего времени испытывает непреодолимый соблазн в апробировании самых неожиданных, иногда эпатажирующих, ярких языковых средств и их сочетаний при освещении окружающей действительности.

"Языки различаются между собой не только тем, что они «имеют», но и тем, как они используют то, что они имеют", – пишет В. Г. Гак [2000: 54]. Существенное значение "в языковом самовыражении народа

имеет отбор языковых элементов в речи, в процессе организации высказывания. Этот отбор показывает, какие элементы действительности, какие их свойства и отношения имеют приоритетное значение в речевом сознании говорящих на данном языке людей" [там же]. Косвенные, транспонированные средства выражения (лексические метафоры и другие переносы значений, использование синтаксических структур во вторичных – тоже переносных – функциях) отражают психологию говорящих подчас в большей степени, нежели прямое употребление языковых средств, они позволяют выявить глубинные ассоциации, устанавливаемые говорящими" [там же: 56-57].

Как нам представляется, российская телевизионная речь влияет на языковое сознание русских потребителей информации четырьмя основными способами:

1. многократно и регулярно повторяя метафоры, клишированные телеречения, экранные журналисты вызывают устойчивые реакции зрителей на использование данных языковых средств в комментариях, что приводит к усилению коннотативности русского языкового сознания (ср.: *российская политическая сцена, знаковая фигура, знаковое событие, кадровая чехарда, политический диагноз, информационная война, карманная Дума, верный путинец* и т. д.). Общие фоновые знания находящихся по обе стороны экрана обеспечивают предсказуемые ассоциации, связанные с понятиями *семья, интрига, игра, карты, театральное действо*. Примеры: (о Лужкове и его окружении) *московская семья* (ОРТ); *одна из ключевых фигур так называемого "семейного призыва"* (НТВ); *кремлевская семья* (ОРТ); *интрига, которая закручивается вокруг премьера* (НТВ); *виртуозная политическая интрига* (ОРТ); *игра на импичмент президента* (НТВ); *коммунисты боятся оказаться вне игры* (ОРТ); *козырная карта с изображением Юрия Скуратова... была извлечена из российской политической колоды* (ОРТ); *экспремьера провоцируют раскрыть карты* (НТВ); *официальные власти держат мхатовскую паузу* (НТВ); *тем, кто сеет хлеб, некогда следить за политическим спектаклем в Москве* (ТВ-6); (о заявлении Ельцина об отставке) *сцена в кабинете останется в истории политического театра* (НТВ); *кремлевские кукловоды* (ТВ-6);

2. активно обращаясь к общеизвестным феноменам, телеведущие провоцируют формирование прецедентно-ориентированного языкового сознания русской телеаудитории. Причем, несмотря на относительно молодой возраст телевидения по сравнению с другими источниками "крылатых" явлений (литературой, кино), и у него уже накоплен свой фонд потенциально прецедентных текстов, визуальных явлений – особенно в области рекламы и так называемого политического фольклора (ср.: *Зюганов и Березовский, как хлеб и "Рама", созданы друг для друга*

(РТР); *В оппозиции стало скучно: ноль перспектив и, что немаловажно, ноль калорий* (ведущий повторяет жест из рекламы "Пепси") (РТР); (о предстоящем чемпионате мира по футболу) *Мужчины хотели бы, чтобы их подруги не заставляли их выбирать между футболом и... — ну, вы знаете. А мужчинам в эти критические дни посоветуем...* (ТВ-6); *Хотели как лучшие, а вышло даже хуже, чем всегда* (РТР);

3. используя индивидуальные краски, единичные приемы, авторы новостных программ рассчитывают на мгновенную реакцию, чувство юмора, определенный уровень интеллекта зрителей — так возникают неожиданные метафоры, афоризмы-перевертыши, новые идиомы, ср.: (о панике в стране) *эти настроения и есть фашистские дрожжи* (РТР); *денежный кран правительства* (РТР); *нефтяные деньги* (ТВ-6); *газовые отношения* (между Украиной и Россией) (ОРТ); *кругосветное политическое путешествие... премьерская кругосветка* (ТВ-Центр); (о протесте пивоваров против постановления Главного санитарного врача России) *пивная война; всероссийский пивной путч* (НТВ); *откупорить валютную кубышку* (РТР); *политический бег на месте* (НТВ); (о создании новой партии, объединившей многие старые силы) *большой политический пылесос* (ОРТ); *возможности политического клонирования... каждый губернатор назначит своего преемника по схеме "Ельцин — Путин"* (ОРТ); *Совет Федерации согласился сделать себе хакакири* (НТВ); *кадровый листопад* (НТВ); (о гимне) *музыкально-политическая дискуссия* (ТВ-6);

4. отказываясь от строгого деления языка на центр и периферию, тележурналисты способствуют отмене многих прежних запретов — в синтаксике, стилистике, в категоризации действительности через язык. "Разжижение общественно-политического императива" [Шапошников 1998: 148] влечет за собой "изменение общественного вкуса к стилевым сферам и стилистически маркированным средствам" [там же: 225]. Расширение пределов речемыслительной свободы ведет к смене речевой тональности теленовостей, к степени экспрессии, которая до недавнего времени была чрезмерной не только для новостных и аналитических программ, но и для телевидения в целом.

Общеизвестно интенсивное проникновение жаргонизмов в новостные тексты, ср.: *претенденты на посты в правительстве "легли на дно"* (РТР); *банки кинули миллионы вкладчиков* (НТВ); *даст дуба нацумевший план... "Транскаспия"* (РТР); *вся политическая братва уже конкретно стартует в направлении парламентских выборов* (РТР); *президент обещал не сдавать своего премьера* (НТВ). Телекомментаторы объяснили это явление еще в 1997 г. следующим образом: *Из фильма "Джентльмены удачи", из уст любимого Леонова по стране пошли некоторые слова и выражения, на которых и раньше говорил ГУЛАГ,*

но которые никогда не попадали в язык всего общества... С тех пор сделан большой шаг вперед. Угловатый брежневский новояз обогатился феней... Народ и мафия едины... Мы уже говорим на языке "братвы". Значит, мы уже живем по этим законам... (НТВ).

Изменившаяся модальность современной телеречи – это и откровенно оценочные определения, ср.: *власти повели себя поразительно топорно (НТВ); Чубайс объяснил настырной прессе (НТВ); вот еще одна потрясающая подробность... (ТВ-6); наш незадачливый министр иностранных дел (НТВ); и употребление стилистически сниженных глаголов, ср.: граждане России продолжают скидываться на благополучие банков (ОРТ); потрафить вкусам высокого гостя (НТВ); часть белорусских властей вляпалась в серьезную проблему (ОРТ); хотят приструнить слишком самостоятельных журналистов (РТР); и появление нейтральных глаголов в "неположенном" месте (иногда рядом с просторечным глаголом), вследствие чего актуализируются их коннотативные приращения: депутаты Государственной Думы стали активно капризничать (РТР); Виктор Геращенко рассердился и обескуражил журналистов вопросом: "Вы за страну или за народ?" (ОРТ); Жириновский засуетился: ему надо протолкнуть своих во что бы то ни стало (ТВ-6); всякая попытка Думы обидеться на президента... будет выглядеть как желание помахать кулаками после драки (РТР); Думское большинство не хочет Черномырдина, а несколько месяцев назад Дума любила Виктора Степановича (РТР).*

Вообще матримониально-эротическая тема постоянно присутствует в комментариях о различных политических союзах: *губернаторы уже наставили рога Примакову и Лужкову (ОРТ); демократы назвали брак "Единства" и коммунистов извращением (ТВ Центр); медовый месяц власти и прессы длился гораздо дольше тридцати дней (НТВ); влюбчивость и переменчивость нашего электората известна (ОРТ); Невинность – прелестная штучка, но годам к сорока иногда хочется ее кому-нибудь подарить. Левые мечтают отдаться Путину (РТР).* Перед нами фрагмент новой системы метафорического структурирования мира сегодняшними масс-медиа. Самостоятельной метафорой, вызывающей тревогу и горькую иронию, в последние годы стал август (как бы придя на смену прежнему октябрю): *Известно, что август – месяц для России наигрустнейший. Из года в год в конце лета страна превращается в остров невезения... Хочется запретить август президентским указом, но это не поможет, потому что тогда все запланированные неприятности произойдут в июле и сентябре соответственно. И напрасно говорят, что журналисты вбивают клин между властью и народом. И власти, и журналисты, и народ сейчас действительно вместе. И в очередной раз стало понятно, в каком именно (НТВ); У каждого из*

наших последних лидеров был свой август. У Ельцина даже два: 91-го и 98-го годов. Теперь и у Путина тоже есть свой (РТР). Таким образом, масс-медиа не только фиксируют то, что происходит в окружающей действительности, но и укореняют в массовом языковом сознании новую образную категоризацию мироустройства, используя метафоры в качестве рабочего инструмента.

С определением типов эфирного воздействия на потребителя смыкаются наблюдения Т. Николаевой относительно целей, с которыми говорящий употребляет так называемые стереотипы: паремии, крылатые слова, цитаты, афоризмы – т. е. то, что мы обобщаем как прецедентные тексты. "К речевым стереотипам относятся такие, которые говорящий употребляет как **чужую речь**, и сам это ощущает, и это же ощущает слушающий" [Николаева 2000: 114]. "Чужой текст-стереотип возникает либо в знак **согласия**, либо в знак **протеста**... стереотип всегда создает дополнительную строку в высказывании. То есть он в широком смысле суперсегментен" [там же: 115]. Идиоматика имеет социальную ориентацию, а функция социализации в наше время наиболее ярко "выявляется при употреблении клише-цитат, стереотипов современных средств массовой информации, названий популярных фильмов, рефренов шлягеров и т. д." [там же: 116].

Действительно, репортажи могут начинаться с анекдота, притчи, песни, детской считалки: (начало репортажа о юбилее Г. Алиева) *На свадьбе узнаешь о том, сколько у тебя родственников, на похоронах – как тебя любили, на юбилеях – как тебя уважают. Клятву скрепляют кровью, дружбу скрепляют нефтью* (РТР); (о сокращении армии и высшего военного руководства – звучит начало песни) *Как хорошо быть генералом!..* (ОРТ); *С главным событием в сфере бизнеса в эти полгода связана загадка: А и Б сидели на трубе, пересели на алюминий* (НТВ).

"Случаи употребления речевых стереотипов в функции неприятия, отталкивания, **культурного протеста** ... классифицируются на несколько подвидов. Так, во-первых, говорящий употребляет клише буквально, но часто с некоторой особой "цитатной" интонацией, давая понять, что для него это ЧУЖОЕ. Во-вторых, клише может быть трансформировано и тем самым модернизировано... Именно такая модернизация может служить средством более или менее мягкого протеста, иронии..." [там же: 117]. Приведем примеры, иллюстрирующие употребление в аналитических и новостных программах оригинальных или перифразированных прецедентных текстов – от пословиц до цитат из классики: *Неисповедимы пути реформы* (НТВ); *Новое правительство повторяет вслед за Высоцким: "Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю!"* (ОРТ); *Банк полагает, а правительство располагает* (РТР); *Все это*

было бы смешно, когда бы не было так (НТВ); Теперь в моде высокий партийный стиль и аплодисменты, переходящие в овации (НТВ); Маслюков объяснил Западу, что в России дважды два не всегда четыре, чем подтвердил мнение поэта по поводу того, что умом Россию не понять (РТР); Премьер в России больше чем премьер (ОРТ); Язык Селезнева велик и могуч (РТР); Чубайс собирается сообщить граду и миру о своих решениях (РТР).

Соотношение "подводной" и "надводной" частей словесного айсберга приводит к стилистическим колебаниям — от легкой иронии до язвительного сарказма: *Самое неожиданное время года случилось вновь... Обнаружилось, что в этом году — вопреки ожиданиям городских властей — тоже будет зима (ОРТ); (о словах депутата-коммуниста) доводы были простые и жизнеутверждающие: "Мы выросли под слова этого гимна и должны умереть под него". Желание депутата умереть непременно под музыку Александрова не вызвало желаемого ответного отклика депутатов (РТР); (после репортажа об обезьянах) На этой человекообразной ноте мы и заканчиваем передачу (ТВ-6); Скоро народные депутаты вернутся бодрыми из регионов: кто из Франции, кто с Кипра (РТР); Тем, что умерших не хоронят ни на третий день, ни через 80 лет, кого в России удивить?! (НТВ); Все время мешают экономика — лучше бы ее вообще не было. Экономика путается под ногами и мешает нести счастье людям (РТР). В телеречи эффект иронии может поддерживаться эвфемизацией: *новый антисемитский кураж генерала Макашова (НТВ); Минобороны об этом знает, но предпочитает быть неискренним (ОРТ); за такие убеждения в Москве обычно приглашают в тюрьму (НТВ).**

Хорошо удобренную почву для иронизирования по поводу собственного менталитета новостной дискурс получил в виде названий серии известных фильмов о традиционных русских развлечениях, ср.: *особенности национальной охоты за кремлевским креслом (НТВ); особенности национальной системы правосудия (ОРТ); особенности национальной внутренней политики (РТР); особенности национальной охоты на избирателя (ОРТ); новые примеры национальных особенностей российской предвыборной борьбы (НТВ).*

В работе Т. Николаевой обращается внимание на то, что к типичным для русского речевого общения коммуникативным категориям относится "нелюбовь к конкретному единичному факту" — факт отмечен и оценен тогда, когда он сильно укрупнен [Николаева 2000: 130]. "... в категорию укрупнения факта естественно должна входить и преувеличенная по коммуникативной частотности **оценка**", — пишет Т. М. Николаева и приводит недавние наблюдения разных исследователей, отмечающих обывательскую "радость от негативного суждения" (Э. Канет-

ти), "высокий уровень агрессивности в речевом поведении людей", "активизацию жанра речевой инвективы" (Л. Крысин), и, конечно, "гипертрофированную область отрицательных оценочных номинаций" в языке так называемой "оппозиционной прессы" (Е. Какорина) [там же: 126-127].

Язык телекомментариев, с одной стороны, потакает "обывательской тяге к укрупнению факта" [там же: 127], а с другой — ее же и формирует, используя перцептивно маркированные, ненейтральные языковые средства. Прибегая к определенному словесному инструментарию и аранжируя свою речь так, чтобы соблюсти законы жанра (новостной или аналитической программы), но и подбросить нечто нестандартное в копилку своего идеостила, телеведущие одновременно отвечают этим нашим, русским, всеобщим — в большей или меньшей степени — коммуникативным ожиданиям.

Итак, исследование текстов, произносимых с экрана в течение последних четырех лет, позволяет сделать некоторые выводы о потребителе экранной информации. В частности, мы попытались выяснить, как язык сегодняшних телевизионных информационных программ, с одной стороны, отражает, а с другой — определенным образом выстраивает русское языковое сознание.

1. Новостной дискурс, освобожденный от ритуальной заданности, апеллирует к таким качествам его рецептора как ироничность и самоирония, скепсис и критичность в восприятии и сопоставлении информации, нетерпимость к категоричной оценочности, а также — и это может быть самое существенное — к способности отмечать эстетическое оформление речи. Языковое гурманство сегодняшнего телезрителя требует сопровождения новостного видеоряда словесной игрой, введением широкого регистра языковых средств: от стилистически сниженной лексики до детабуированной лексики маргиналов. Судя по рейтингу теленовостей и информационно-аналитических программ, существует особый спрос на остроумие, экспрессивность, предельную свободу в ассоциациях и средствах их языкового воплощения именно в указанном телевизионном жанре. Культивируется речемыслительная раскрепощенность адресата телеречи.

2. Происходит энергичное переключение языкового сознания русскоязычного социума с письменных (в том числе — художественных) текстов как основы литературной нормы на тексты масс-медиа, в первую очередь — на тексты, звучащие с телеэкрана. Ориентация телекомментаторов на устно-разговорную разновидность современного русского языка, с одной стороны, отражает, а с другой — обуславливает грамматическую и орфоэпическую непривередливость телезрителей.

3. Современный русский телезритель должен отличаться воспри-

имчивостью к складывающейся в новостном дискурсе образной категоризации действительности, к метафорической структуризации нового знания о мире. Регулярная "тренировка" зрительского внимания к семантическому потенциалу метафор, проявляющемуся в эффекте недосказанности, намека, обращение в телетекстах к аллюзиям и игре со смежными смыслами приводит к усилению коннотативности языкового сознания массового потребителя телеинформации.

4. Языковое сознание русского телезрителя является прецедентно-ориентированным. Наряду с традиционными феноменами национальной культуры, истории, литературы, статус прецедентных приобретают новые элементы российской действительности.

Таким образом, на фоне усиления социальной стратификации российского общества у адресата телевизионной информации формируется ощущение включенности в консолидируемое новостным дискурсом национальное лингво-культурное пространство. В последние годы XX века русская ментальность трансформировалась и развивалась под влиянием текстов средств массовой информации. Но можно с уверенностью говорить о том, что это был – и пока продолжается – в первую очередь "телевизионный этап" становления языкового сознания нашего русского современника.

Л и т е р а т у р а

1. *Гак 2000 – Гак В.* Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры. М., 2000. С. 54-68.
2. *Горбаневский и др. 1999 – Горбаневский М., Караулов Ю., Шаклеин В.* Не говори шершавым языком: О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ. М., 1999.
3. *Костомаров 1997 – Костомаров В.* Языковой вкус эпохи. М., 1997.
4. *Лаптева 2000 – Лаптева О.* Живая русская речь с телеэкрана. М., 2000.
5. *Липков 2000 – Липков А.* Новые технические средства — новые возможности киноповествования // Экранные искусства и литература: Телевизионный этап. М., 2000. С. 25-37.
6. *Михалкович 2000 – Михалкович В.* Время телевидения // Экранные искусства и литература: Телевизионный этап. М., 2000. С. 4-24.
7. *Николаева 2000 – Николаева Т.* Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция // Язык как средство трансляции культуры. М., 2000. С. 112-131.
8. *Русская речь в эфире 2000 – Иванова Т., Черкасова Т.* Русская речь в эфире. Комплексный справочник. М., 2000.
9. *Склярская 1998 – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения.* / Под ред. Г. Склярской. М., 1998.
10. *Шапошников 1998 – Шапошников В.* Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. М., 1998.
11. *АиФ 1999 – Костенко-Попова О.* Парадоксы Евгения Киселева // Аргументы и факты, 1999, № 7.
12. *АиФ 2001 – Костенко-Попова О.* Телезавтра // Аргументы и факты, 2001, № 2.